

А.И. Иванчик

КЕМ БЫЛИ «СКИФСКИЕ» ЛУЧНИКИ НА АТТИЧЕСКИХ ВАЗАХ ЭПОХИ АРХАИКИ? II*

РЕАЛЬНЫЕ ПРОТОТИПЫ ОБРАЗА «СКИФСКОГО ЛУЧНИКА»

Обратимся теперь ко второму аспекту проблемы: какие реалии отражает так называемый «скифский» костюм и кем были реальные прототипы этих персонажей, превратившихся в аттической вазописи в своеобразный иконографический символ. Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, следует коснуться хронологии этого образа. Как уже упоминалось, составленный Ф. Лиссаррагом каталог включает свыше 600 датированных изображений «скифских» лучников, что позволяет сделать достаточно надежные выводы относительно развития этого образа. По десятилетиям эти изображения распределяются следующим образом: ок. 570 г. до н.э. – 2; ок. 560 г. – 3; ок. 550 г. – 8; ок. 540 г. – 9; ок. 530 г. – 28; ок. 520 г. – 264; ок. 510 г. – 186; ок. 500 г. – 75; ок. 490 г. – 25; ок. 480 г. – 10; ок. 470 г. – 1. Таким образом, самые ранние изображения этого круга датируются ок. 570 г. до н.э. Несмотря на то что именно к этому времени относится знаменитая ваза Франсуа, подобные изображения долго остаются единичными (5 за 20 лет), хотя их количество и несколько нарастает в период ок. 550–540 гг. до н.э. (17 за 20 лет). Около 530 г. до н.э. они начинают входить в моду (28 за 10 лет), а около 520 г. до н.э., на которой приходится пик распространенности таких изображений, становятся массовыми (264 изображения). Несмотря на то что затем их количество сокращается, до конца VI в. до н.э. такие изображения остаются весьма многочисленными. Затем их число резко уменьшается, после 490 г. до н.э. они становятся единичными, а вскоре и вовсе исчезают.

При этом следует специально подчеркнуть, что образ «скифских» лучников как второстепенных спутников героических гоплитов сложился не сразу, а вернее, не сразу стал каноническим. Впрочем, на двух самых ранних (ок. 570 г. до н.э.) изображениях «скифских» лучников их роль именно такова: они сопровождают героев. На вазе Франсуа они участвуют в охоте на Калидонского вепря в качестве второстепенных охотников. На диносе E 875 из Лувра⁹⁸ изображена амазономахия со мно-

* Первую часть статьи см. ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55.

⁹⁸ АВV. P. 104(123); Add. P. 28; CVA. France. 2. Louvre. 2. P. 11. Pl. 18, 2; 19; 20, 1; *Bothmer*. Op. cit. P. 8, 13. Pl. XIV–XVI; Vos. P. 2–4. № 5; Lissarrague. Cat. A 477. Ср. *Shapiro H.A.* Amazons, Thracians, and Scythians // GRBS. 1983. 24. P. 111, с датировкой ок. 550 г. до н.э. Ср. p. 110–114 о соотношении образов амазонок и «скифов» в аттической вазописи. «Скифские» элементы в их костюме появляются примерно одновременно с появлением самого образа «скифского» лучника. Ситуация здесь та же: амазонки изображаются в виде гоплитов, сопровождаемых лучниками, которые принимают и соответствующий костюм. В ряде случаев гоплитские и негоплитские элементы в их одежде смешиваются, что отражает двусмысленный статус самих амазонок (воины – женщины).

жеством участников, в которой с обеих сторон сражаются пять лучников (двое из них имеют на голове шлемы, трое – колпаки скифского типа). Оба изображения вполне могут быть истолкованы в рамках позднейшего канона, однако, судя по редкости изображений, он сам еще не сложился, и они его лишь превосхищают.

То же можно сказать об одном фрагменте с Афинского акрополя (I613), относящемся к следующей по времени группе (ок. 560 г. до н.э.). На нем изображен лучник, идущий между двумя гоплитами. Как и лучники на вазе Франсуа, он одет в хитон (поверх него накинута звериная шкура) и колпак⁹⁹. Однако другие два изображения этого времени выпадают из канона. Речь идет о диносе с Афинского акрополя 606¹⁰⁰ и сходном фрагменте оттуда же (2626)¹⁰¹. На диносе изображена схватка двух групп всадников: «скифские» стрелки противостоят вооруженным дротиками всадникам (реконструкция подобной сцены на фрагменте 2626 наиболее вероятна). Подобная же схватка изображена на «этрусской» вазе третьей четверти VI в. до н.э. из музея Ватикана¹⁰². Костюм лучников тот же – короткий хитон, остроконечный колпак, причем колчан находится не на боку, а за спиной. Вероятно, к этим изображениям следует добавить еще фрагментированную чашу Гейдельбергского мастера (ок. 560–550 гг. до н.э.), найденную в святилище Геры в Перакхоре. Здесь изображена группа атакующих конных лучников, одетых в короткие хитоны и, видимо, колпаки (их форма не устанавливается из-за сильной фрагментарности чаши). На других фрагментах чаши изображено сражение гоплитов у стоящих у берега кораблей (очевидно, эпическая сцена: бой у кораблей или сражение над телом Протесилая), однако принадлежат ли эти фрагменты той же сцене, в которой участвуют всадники, установить невозможно¹⁰³. Учитывая датировку этих изображений, можно предполагать, что они вдохновлялись первыми столкновениями малоазийских греков (возможно, еще в составе лидийских

⁹⁹ ABV. P. 57 (117); *Graef B., Langlotz E.* Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen. Bd I. B., 1925. S. 171. № 1613. Taf. 82; Vos. P. 2–4. № 2; Lissarrague. Cat. A 677.

¹⁰⁰ ABV. P. 81 (1); Para. P. 30; Add. P. 22; *Graef, Langlotz.* Op. cit. S. 68–69. № 606. Taf. 31; Vos. P. 2–5. № 3; Lissarrague. Cat. A 462.

¹⁰¹ *Graef, Langlotz.* Op. cit. S. 255. № 2626. Taf. 111; Vos. P. 2–5. № 4; Lissarrague. Cat. A 463.

¹⁰² *Beazley J.D.* Etruscan Vase-painting. Oxf., 1947. Pl. I, 1–2; *Hannestad L.* The Paris Painter. An Etruscan Vase-Painter. København, 1974 (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filosofiske Meddelelser. 47, 2). P. 44. № 3. Датировку см. *Ibid.* P. 27–28; *Gaultier F.* // CVA. France 35. Louvre. 24 (1995). P. 29. Художник Париса, который расписал эту вазу, видимо, был ионийцем по происхождению или культуре: *Rizzo M.A.* *Corredi con vasi pontici di Vulci* // *Xenia*. 1981. 2. P. 42; *Gaultier.* Op. cit. P. 28. Ср. изображение лучника в «скифском» колпаке, стреляющего на скаку с коня (второй конь скачет рядом без всадника; колчан находится за спиной), на другой «этрусской» вазе, относящейся к 535–525 гг. до н.э. (Louvre CA 7324): *Gaultier.* Op. cit. P. 41–42. Pl. 28. О группе Tofla, к которой принадлежит эта ваза, см. *Gaultier.* Op. cit. P. 37–39, с литературой. Об изображениях лучников в остроконечных колпаках на ионийской керамике третьей четверти VI в. до н.э. см. *Cook R.M.* *Clazomenian Sarcophagi*. Mainz, 1981 (Kerameus, 3). P. 119–120. Ср. изображение трех пеших лучников, одетых в «скифский» костюм (штаны, нечто вроде длинного кафтана, возможно, колпак) в сцене охоты на росписи из гробницы Кызылбела (Kızılbela) (на берегу оз. Элмалы, Ликия). Гробница расписана в греко-ликийском стиле и датируется последней четвертью VI в. до н.э.: *Mellink M.J.* Excavations at Karataş-Semayük and Elmalı, Lycia, 1970 // *AJA*. 1971. 75. P. 246–249. Pl. 51, 12; *eadem.* *Kızılbela: An Archaic Painted Tomb Chamber in Northern Lycia*. Philadelphia, 1998. P. 37–38 (S. 7). Pl. 36b; XXXI. Редкие изображения «скифских» лучников на вазах «халкидской» группы находятся под сильным аттическим влиянием и воспроизводят аттические изобразительные схемы: лучник на них является спутником гоплита. См. *Rumpf A.* *Chalkidische Vasen*. В. – Lpz., 1927. S. 25, 26, 30, 142. № 105 (с простым D-видным луком и колчаном за спиной), № 108 (лучники участвуют в бое с обеих сторон), № 152. Taf. 112, 115, 144–146.

¹⁰³ ABV. P. 63 (9); *Dunbabin T.J.* *Attic Black Figure* // *Perachora*. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens 1930–1933. II. Pottery, Ivories, Scarabs and Other Objects from the Votive Deposit of Hera Limenia / Ed. T. J. Dunbabin. Oxf., 1962. P. 339. № 3648. Pl. 138; *Brijder.* Op. cit. P. 388, 451 (№ 374). Pl. 125e.

войск) с гиппоксотами мидийской или уже персидской армии¹⁰⁴. Вполне возможно, что в Аттике этот сюжет появился под ионийским влиянием. Однако его существование в аттической вазописи остается эфемерным эпизодом: никакого развития он не получил.

В более позднее время изображения конных «скифов» в бою встречаются крайне редко¹⁰⁵. Интересно, что они при этом никогда не одеты в полную «скифскую» одежду, как в это время обычно изображаются сопровождающие гоплитов пешие лучники. Всадники, напротив, как правило, одеты в обычный хитон и лишь имеют на голове колпак. Возможно, что это связано с переживанием раннего (до 530 г. до н.э.) способа изображения всадников «скифского» типа в тех случаях, когда они выступают в нехарактерной для них в позднее время роли, т.е. не в виде пеших спутников гоплитов. При этом как гиппоксот «скифский» всадник в позднее время выступает лишь однажды: на амфоре ок. 510 г. до н.э. из Торонто¹⁰⁶, где он стреляет в пешую амазонку в гоплитском снаряжении. С другой стороны ее атакует легко вооруженный всадник с двумя копьями. Во всех остальных случаях всадник в «скифском» колпаке использует копьё, причем у него, как правило, отсутствует и колчан. При этом всадник с копьями и в колпаке изображается в столкновении с другим всадником над раненым или убитым гоплитом. В этом случае, таким образом, его роль соответствует обычной схеме: он выступает спутником гоплита. Противник всадника в колпаке при этом, как правило, изображается без атрибутов «скифского» костюма. Возможно, что «скифский» колпак в этих сценах указывает на то, который из двух всадников является спутником гоплита и, следовательно, защищает его от нападающего противника. Особенно показательно изображение на амфоре из Мюнхена 1509¹⁰⁷ (рис. 13). Здесь над раненым гоплитом сражается не одна, как обычно, а две пары всадников. Каждая противостоящая пара состоит из воина в гоплитском вооружении и сопровождающего его «скифа». Лучник левой пары ранен и упал с коня. Лишь в двух случаях оба всадника добивают гоплита, причем в одном из них оба носят на голове «скифские» колпаки¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Предположение о том, что речь идет о столкновениях между обитателями первых греческих колоний Северного Причерноморья и скифами (см., например: *Schoppa*. Op. cit. S. 11; Vos. P. 5; *Hölscher*. Op. cit. S. 27 и др.) не основано ни на каких конкретных данных. Более того, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства говорят о мирном сосуществовании между первыми греческими колонистами и местными варварами, в том числе кочевниками, в течение всего VI в. до н.э. и об отсутствии скифской угрозы вплоть до начала V в. до н.э. Характерно, например, что на греческих поселениях в течение всего VI в. до н.э. отсутствовали какие-либо оборонительные сооружения. Никаких следов пожаров или разрушений в это время также неизвестно. Ситуация меняется лишь в первой половине V в. до н.э., когда отмечаются многочисленные признаки военных конфликтов между причерноморскими городами и скифским царством и греческие города впервые сооружают оборонительные стены: *Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // *Chiron*. 1980. 10. S. 63–100 (= *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 100–132); *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48; *Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.П.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 54–63. Таким образом, вряд ли можно предполагать наличие сколько-нибудь значительных военных конфликтов между скифами и греческими колонистами, которые к тому же могли бы стать сюжетами аттической вазописи.

¹⁰⁵ *Lissarrague*. P. 194–195, 280, 301. Cat. A 464–466, C 19–25 (10 изображений между 520 и 500 гг. до н.э.).

¹⁰⁶ *ABV*. P. 589 (2); *Add*. P. 140; *CVA*. Canada. 1. Toronto. 1. 1981. P. 14. Pl. 20, 3; Vos. P. 30, 74, 106. № 303; *Lissarrague*. Cat. A 464.

¹⁰⁷ *ABV*. P. 285 (1); *Add*. P. 74; *CVA*. Deutschland. 37. München. 8. 1973. S. 69–71. Taf. 413, 1; 414, 1; Vos. P. 74, 105. № 152; *Lissarrague*. P. 194. Fig. 111. Cat. A 466.

¹⁰⁸ *CVA*. France. 5. Louvre. 4. [s.a.]. P. 17. Pl. 29, 5; Vos. P. 30–31, 116. № 295; *Lissarrague*. Cat. C 19; *Löwy E.* Von Euphronios, Exekias und anderen // *Αρχαιολογική Εφημερίς*. 1937. S. 572. Abb. 2; *CVA*. Deutschland. 48. München. 9. 1982. S. 37–39. Taf. 30, 1; Vos. P. 116. № 297; *Lissarrague*. Cat. C 21. Однако на амфоре из Бонна (40), которую Ф. Лиссарраг толкует так же (*Lissarrague*. P. 194. Not. 11. Cat. C 20) вооруженный двумя копьями всадник в «скифском» колпаке выступает на стороне гоплита: *Greifenhagen A.* Attische Schwarzfigurige Vasen im Akademischen Kunstmuseum zu Bonn // *AA*. 1935. S. 434, 443. № 17. Abb. 27.

Рис. 13. Чернофигурная амфора из Мюнхена (1509). По Lissarrague. Fig. 111

В следующем десятилетии (ок. 550 г. до н.э.) количество изображений лучников увеличивается, однако они по-прежнему остаются единичными (всего 8)¹⁰⁹. Среди них можно выделить несколько групп. Прежде всего, это лучники скифского облика, участвующие в массовом сражении вместе с гоплитами: на килике из Базеля в сражении участвует 16 персонажей, в том числе по одному лучнику с каждой стороны¹¹⁰, на берлинском килике 3402¹¹¹ – 12 персонажей, в том числе один лучник. Эти изображения, аналогичные более раннему диносу из Лувра, вполне укладываются в позднейший канон, однако о его формировании, по-видимому, еще рано говорить. К этому же периоду относятся три изображения лучников верхом, которые могут быть связаны с вышеупомянутыми, однако здесь различие очень существенное: конные лучники не участвуют в сражении. Более того, они выступают в паре с гоплитом, который изображен верхом¹¹² или спешивающимся¹¹³. Таким образом, эти изобра-

¹⁰⁹ Ф. Лиссарраг датирует ок. 550 г. до н.э. также килик из Лувра F 127 ter: Lissarrague. Cat. A 554. Это, очевидно, ошибка: речь идет о «двухъязычном» килике мастера Ольта, ок. 530–520 гг. до н.э.: ARV. P. 54 (9); Add. P. 163; CVA. France. 28. Louvre. 19. 1977. P. 9. Pl. 23, 2.

¹¹⁰ Münzen und Medaillen A.G. Auktion 18. Kunstwerke der Antike. Basel, 1958. S. 27–28. № 85; Vos. P. 2. № 7. Pl. IIa; Lissarrague. Cat. A 479.

¹¹¹ Lissarrague. Cat. A 491; Rohde E. Drei Sianaschalen der berliner Antiken-Sammlung // Studies in Honour of Arthur Dale Trendall / Ed. A. Cambitoglou. Sidney, 1979. S. 141–143. Taf. 38, 39 (интерпретация изображенных здесь воинов как фракийских союзников троянцев неубедительна); *Brijder*. Op. cit. P. 429–433, 464–465 (№ 470). Pl. 146 g–i. По всей вероятности, эта сцена изображает гибель Ахилла, а лучник в «скифском» колпаке – Парис. В таком случае это самое раннее изображение Париса в виде «скифского» лучника.

¹¹² Collignon M., Couve L. Catalogue des vases peints du Musée National d'Athènes. P., 1902–1904 (BEFAR, 85). P. 278. № 856. Pl. XXXIV; Vos. P. 3. № 8; Lissarrague. Cat. A 455.

¹¹³ ABV. P. 119 (9), 685; Para. P. 48; Add. P. 33 = CVA. USA. 11. New York. 2. 1953. P. 6. № 12. Pl. X; Albizzati C. Vasi antichi dipinti del Vaticano. Città del Vaticano, 1924–1938. P. 153–154. № 369. Fig. 93–94; Vos. P. 3. № 9, 10; Lissarrague. Cat. A 456, 457. Первый килик изготовлен Эптитимом. Тому же мастеру и, вероятно, тому же художнику принадлежит очень близкий килик, на котором изображен поединок между двумя пельтастами, один из которых изображен в «скифском» колпаке (другие элементы «скифского» костюма отсутствуют). Здесь же изображен всадник в греческом костюме, стреляющий с коня: Para. P. 48; Add. P. 33; Johansen K.F. Eine attische Trinkschale // Acta Archaeologica. 1960. 31. S. 129–145. Abb. 1–8; CVA. Danemark. 8. Copenhagen. 8. 1963. P. 253–254. Pl. 324–325; Vos. P. 3, 4, 93. № 11; Lissarrague. Cat. P 15. Возможно, оба килика датируются несколько раньше, ок. 560 г. до н.э.

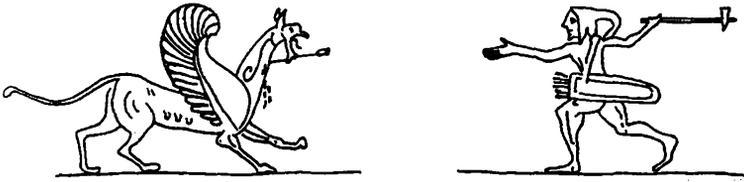

Рис. 14. Чернофигурный килик из Анжера. По Lissarrague. Fig. 65

жения также не противоречат позднему канону, в котором лучник сопровождает гоплита. Кроме того, к этому времени относится одно изображение¹¹⁴, на котором «скифский» лучник представлен изолированно в медальоне килика. Такие изображения, хотя и редко, встречаются в течение всего времени бытования образа «скифского» лучника в аттической вазописи. Поскольку речь идет об изолированном мотиве, то он безразличен по отношению к описанной схеме и не противоречит ей.

В схему не укладывается, однако, еще два изображения на киликах этого времени, на которых «скифские» лучники действуют независимо от гоплитов, причем явно в мифологическом контексте. На одном из них (Лувр А 242)¹¹⁵ «скифский» лучник стреляет в сфинкса. На другом, очень близком к первому (Анжер)¹¹⁶, изображен лучник в «скифском» колпаке, который подняв секиру нападает на грифона, из шеи которого торчит стрела (рис. 14). Обычно считают, что на вазе изображен аримасп, и полагают, что информация об аримаспах стала известна в Греции благодаря поэме Аристея Проконнеского «Аримаспея». Вряд ли, однако, следует отождествлять любую грифономахию с аримаспами: этот сюжет известен уже в микенскую эпоху, например, на ручке зеркала из Энкоми на Кипре (из гробницы XIII в. до н.э.)¹¹⁷ и был достаточно распространен в ассирийском и сиро-финикийском искусстве IX–VIII вв. до н.э.¹¹⁸ Впрочем, и легенды об аримаспах не обязательно связывать исключительно с Аристеем: они, возможно, были известны здесь и ранее¹¹⁹. Во всяком случае соседней аримаспов исседонов упоминает уже Алкман (fr. 156 Page, 192 Calame). Как бы то ни было, оба сюжета, очевидно, отсылают к неким мифическим противникам мифических существ. Не исключено, что их костюм в данном случае указывает на принадлежность к варварскому миру, что может свидетельствовать о том, что описанный канон, для которого этнос персонажа не имеет значения, еще не сложился. Но не

¹¹⁴ Gino lo Porto F. Vasi attici a figure nere da una tomba tarantina // Bollettino d'arte. 1959. 44 (Ser. IV). P. 16. Fig. 16; Lissarrague. Cat. A 548.

¹¹⁵ CVA. France. 14. Louvre. 9. 1938. P. 82. Pl. 90, 10–11; 91, 4–5; Vos. P. 3, 94. № 14; Lissarrague. Cat. A 541.

¹¹⁶ Valotaire. Op. cit. P. 51; Vos. P. 3, 94. № 13. Pl. 1; Lissarrague. Cat. A 540. Fig. 65.

¹¹⁷ Murray A.S., Smith A.H., Walters H.B. Excavations in Cyprus. L., 1900. Pl. II. № 872; Poulsen F. Zur Zeitbestimmung der Enkomifunde // JDAI. 1911. 26. S. 224–227. Abb. 7, 8; Decamps de Merzenfeld C. Inventaire commenté des ivoires phéniciens et apparentés découverts dans le Proche-Orient. P., 1954. P. 118 (798). Pl. LXXII. Образ грифона был хорошо известен в крито-микенскую эпоху: Delplace Ch. Le griffon créto-mycénien // L'Antiquité classique. 1967. 36. P. 49–86; Bisi A.M. Il Griffone. Storia di un motivo iconografico nell'Antico Oriente Mediterraneo. Roma, 1965 (Studi Semitici, 13). P. 167–195. Об изображениях грифономахии этого времени см. Delplace. Le griffon créto-mycénien. P. 67. Он вновь широко распространяется в Греции начиная с последней четверти VIII в. до н.э., возможно, под сирийским влиянием: Bisi. Op. cit. P. 207–235; Delplace Ch. Le griffon de l'archaïsme à l'époque impériale. Bruxelles – Rome, 1980 (Études de philologie, d'archéologie et d'histoire anciennes publiées par l'Institut historique belge de Rome, 20). P. 13–120.

¹¹⁸ Poulsen. Op. cit. S. 226–227. Abb. 10; Barnett R.D. A Catalogue of the Nimrud Ivories with Other Examples of Ancient Near Eastern Ivories in the British Museum. L., 1957. P. 73–77. Pl. XXII, S. 2; XXV, S. 11; XXXV, S. 66; LIII, S. 125; Mallowan M.E.L. Nimrud and its Remains. V. II. L., 1966. P. 536–537, 550, 586–587. Fig. 455, 456, 485, 558, 559.

¹¹⁹ О датировке поэмы Аристея Проконнеского «Аримаспея» (последняя четверть VI – первая четверть V в. до н.э.) см. Ivantchik A. La datation du poème l'«Arimaspée» d'Aristéas de Proconnessè // L'Antiquité classique. 1993. 67. P. 35–67.

менее вероятно, что они изображены в колпаках просто потому, что являются лучниками (как на вазе Франсуа).

В следующем десятилетии (ок. 540 г. до н.э.) картина аналогична предыдущей. Здесь «скифский» лучник участвует в сражении совместно с гоплитами¹²⁰, в том числе при участии колесницы¹²¹. Эти изображения укладываются в соответствующий канон. Ему не противоречит и изображение «скифа», ведущего лошадь¹²². Из канона несколько выбиваются лишь изображения «скифов» в охотничьих сценах, где они выступают без сопровождения гоплитов¹²³. Не вполне соответствует канону и изображение на мюнхенской вазе (1375, J. 392), где лучник в остроконечном колпаке и хитоне сопровождает не гоплитов, а пельгаста и всадника, одетых на фракийский манер¹²⁴. В то же время лучник, изображенный на гидрии из Флоренции (3830.1797) в сцене Калидонской охоты, одет не «по-скифски» и на голове у него надет гоплитский шлем, что отличает его от других участников охоты¹²⁵. Скорее всего здесь изображена Аталанта, что может объяснять такой способ ее изображения: в вооружении амазонок также часто смешиваются гоплитские и негоплитские элементы.

Можно полагать, что формирование соответствующего канона началось в 550–540-е годы, когда многие изображения уже ему соответствуют. Но окончательно он сложился ок. 530 г. до н.э., когда появляются изображения, в которых роль «скифского» лучника как спутника и оруженосца гоплита несомненна. Это сцены облачения гоплита и его отправления в поход, в которых участвуют «скифы», а также парные изображения гоплита и «скифского» стрелка. Начиная с этого времени и вплоть до начала V в. до н.э. указанная схема безраздельно господствует, а не укладывающиеся в нее изображения становятся редкостью¹²⁶. Так, например, совершенно исчезают изображения «скифов» без сопровождения гоплитов на охоте. Если для раннего периода нам известно (не считая Калидонской охоты) четыре таких изображения из 17 засвидетельствованных (два, оба в мифологическом контексте: «скиф» против грифона и сфинкса, ок. 550 г. до н.э., и два ок. 540 г. до н.э.), то в период между ок. 530 г. и ок. 510 г. нет ни одного из почти пятисот известных. С постепенным выходом этой схемы из употребления такие изображения вновь появляются: одно ок. 500 г. и одно ок. 480 г. до н.э.¹²⁷

Высказывалось предположение о том, что костюм лучников на аттических вазах отражает впечатления вазописцев, полученные в результате знакомства с реальными лучниками скифского происхождения, корпус которых присутствовал в Афинах. При этом выдвигаются различные трактовки этого предполагаемого корпуса. Некоторые авторы считали, что он состоял из государственных рабов, выполнявших полицейские

¹²⁰ ABV. P. 152 (25); Para. P. 63; Add. P. 43–44; CVA. France. 7. Bibliothèque Nationale. 1. 1928. P. 28–29. Pl. 36, 6–7; 37, 3–5; Lissarrague. Cat. A 467; ABV. P. 675 (4) (см. выше, прим. 80, битва за тело Патрокла или Ахилла, здесь лучник, вооруженный также копьем, облачен в полный «скифский» костюм, а не только колпак); ABV. P. 116 (9), 685; Add. P. 32; CVA. USA. 11. New York. 2. 1953. P. 14–15. № 38. Pl. XXIV; Vos. P. 19, 109. № 214; Lissarrague. Cat. A. 510.

¹²¹ Lissarrague. Cat. A 301 bis.

¹²² ABV. P. 145 (16); Para. P. 60; Add. P. 40; *Beazley J.D.* The Development of Attic Black-Figure. Berkeley – Los Angeles, 1951. Pl. 31; Vos. P. 23, 111. № 241; Lissarrague. Cat. A 443.

¹²³ ABV. P. 153 (44); Add. P. 44; *Beazley J.D.* Amasea // JHS. 1931. 51. P. 261. Fig. 4. Pl. VIII; Vos. P. 23, 111. № 242; Lissarrague. Cat. A 547, cp. Cat. A 549.

¹²⁴ ABV 297 (15); Add. P. 78; CVA. Deutschland. 3. München. 1. Pl. 9, 3; Vos. P. 3, 4, 94. № 12; Lissarrague. Cat. P. 16; *Tsiafakis D.* The Allure and Repulsion of Thracians in the Art of Classical Athens // Not the Classical Ideal. P. 369. Fig. 14. 2.

¹²⁵ Вопреки Lissarrague. Cat. A 543. См. *Blatter R.* Dinosfragmente mit der Kalydonischen Eberjagd // AK. 1962. 5. Pl. 16, 4.

¹²⁶ См., например, редкие изображения «скифов» без луков, но с копьями верхом, без сопровождения гоплитов: Lissarrague. P. 200, 298. Cat. P 96–98.

¹²⁷ Lissarrague. P. 285–286. Cat. A 539–547. На скифосовидном сосуде из Берлина (ок. 500 г. до н.э.) в сцене охоты изображен гоплит с круглым щитом в сопровождении двух скифских лучников: ARV. P. 126 (26); Add. P. 176; *Boardman.* Op. cit. Fig. 98; Lissarrague. Cat. A 544.

функции, которые многократно упоминаются в комедиях Аристофана¹²⁸. Однако это предположение опровергается самой хронологией упоминавшихся изображений. Афиняне впервые приобрели скифских лучников лишь после Саламинского сражения (Andoc. III. 5; Aeschin. II. 173 с весьма путанным изложением событий¹²⁹, ср. также Herod. VI. 112 об отсутствии лучников в составе афинского войска при Марафоне), т.е. их появление в городе совпадает отнюдь не с появлением изображений «скифоидных» лучников в аттической вазописи, а с их исчезновением. Можно даже предположить, что именно появление в городе полицейских, одетых в костюм, напоминавший костюм изображавшихся на вазах лучников, в том числе героических персонажей, привел вазописцев к окончательному отказу от этого, впрочем, и так уже выходявшего из моды образа. В самом деле, насколько можно судить по Аристофану, репутация этих государственных рабов была не самой подходящей для того, чтобы ассоциации между ними и эпическими героями, пусть и второго ранга, были бы желательны. Можно предположить также, что присутствие скифских лучников укрепило нежелательные для вазописцев ассоциации между этим костюмом и определенным этносом, возникшие к тому времени.

Другой предлагавшийся вариант – предположение о том, что скифы (рабы или наемники) в эпоху Писистратидов служили в афинском войске в качестве гиперетов, сопровождавших гоплитов в походе и нанимавшихся (или покупавшихся) ими в частном порядке. От них, по мнению этих авторов, соответствующий костюм заимствовали афиняне¹³⁰. Это предположение чисто умозрительно, не подтверждается никакими свидетельствами источников, а также противоречит как изображениям на вазах, так и ряду других данных¹³¹.

Не лучше обстоит дело и с другим предположением, согласно которому появление «скифоидных» лучников в аттической вазописи связывают с тем, что реальные скифы появились в Афинах в составе корпуса наемных телохранителей, на которых якобы опирался Писистрат или его сыновья¹³². Однако это предположение также не опирается на какие-либо свидетельства источников. Более того, специально проведенный их анализ показывает, что дорифоры Писистрата и его наследников были афинянами; в некоторых случаях ему помогали также контингенты из дружественных греческих полисов, например аргосцы, однако никаких варваров, тем более составлявших постоянный гарнизон или полицейский корпус, в Афинах эпохи Писистратидов не было¹³³. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы в антиписистратовской тра-

¹²⁸ См. например: *Dümler F.* Über eine Classe griechischer Vasen mit schwarzen Figuren // MDAIR. 1887. 2. S. 189; *Studniczka F.* Ein Denkmal des Sieges bei Marathon // JDAI. 1891. 6. S. 245; *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd II. B., 1893. S. 334–335. Anm. 9; *Wernicke.* Op. cit. S. 67–75; *Oehler J.* Skythai // RE. III A, 1. 1927. Sp. 692. В последнее время в поддержку этого предположения (без новых аргументов и со ссылкой на те же изображения на вазах) см. *Bäbler.* Op. cit. S. 165–167.

¹²⁹ Ср. об этом свидетельстве: *Bugh G.R.* Andocides, Aeschines and the Three Hundred Athenian Cavalrymen // Phoenix. 1982. 36. P. 306–312, с литературой.

¹³⁰ *Helbig.* Eine Heerschau... S. 259–320; *idem.* Les ἰππεῖς athéniens // Mémoires de l'Institut National de France. Académie des Inscriptions et Belles Lettres. 1904. 37, 1. P. 190–201, 227–231 (первоначально гиперетами афинских гоплитов были этнические скифы, а затем – афиняне, воспринявшие их вооружение и одежду); *Plassart.* Op. cit. P. 172–176 (все гипереты были афинянами, но одевались в скифскую одежду, которую заимствовали не непосредственно от скифов, а от ионийцев); *Schoppa.* Op. cit. S. 20–24 (гипереты, были, вероятно, этнические скифы); *Hölscher.* Op. cit. S. 40 (скифские лучники появляются в Афинах ок. 530 г. до н.э.; затем их одежда входит в моду среди афинских аристократов); *Stucky R.* Überlegungen zum «Perserreiter» // AK. 1982. 25. S. 99–100 (гиперетами афинских всадников были этнические скифы, также конные).

¹³¹ См. убедительную критику Vos, P. 63–65.

¹³² *Wernicke.* Op. cit. S. 67; *Cornelius F.* Die Tyrannis in Athen. München, 1929. S. 63–64 (купленные рабы или наемники); *Schachermeyr F.* Peisistratos // RE. XIX, 1. 1937. Sp. 177; *Snodgrass A.M.* Arms and Armour of the Greeks. L., 1967. P. 83–84; *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 220; *Hall E.* Inventing the Barbarian. Oxf., 1989. P. 138 и др.

¹³³ *Lavelle B.M.* Herodotos, Skythian Archers, and the Doryphoroi of the Peisistratids // Klio. 1992. 74. P. 78–97.

диции, к которой принадлежит большинство наших источников, не был бы отражен такой скандальный факт, как использование варварских наемников против собственных сограждан, если бы он действительно имел место.

Отметив слабость этой интерпретации, М. Вос предлагает ее модифицировать¹³⁴. Согласно ее мнению, Писистрат действительно набрал корпус скифских наемников, однако они служили не в качестве его личной охраны, а в качестве вспомогательного отряда в составе государственной армии. Скифские лучники хорошо себя проявили и были достаточно популярны, что объясняет их частые изображения на вазах, а также и то, что афиняне сохранили этот отряд и после падения тирании. Однако и эта интерпретация ничем не лучше предыдущих. Как и они, она не опирается ни на какие, прямые или косвенные, указания источников. Более того, она противоречит прямому указанию (пусть и путаному) Андокида (III. 5) и Эсхина (II. 173), согласно которому скифские лучники появились здесь впервые после 476 г. до н.э.¹³⁵, и другим свидетельствам источников (ср. выше). М. Вос не отрицает достоверность этих свидетельств и считает, что корпус скифских лучников исчез из Афин между 500 и 490 гг. до н.э. Однако в таком случае совершенно непонятно, почему афиняне отказались от столь хорошо зарекомендовавшего себя, по мнению М. Вос, вспомогательного отряда как раз накануне столкновения с персами, когда этот отряд мог сослужить им хорошую службу¹³⁶. Кроме того, если предполагать, что скифы служили в афинском войске в качестве вспомогательного отряда, логично было бы их использовать в качестве конных лучников: именно коннострелковая тактика делала скифов столь опасными, и именно в виде конных стрелков они могли принести наибольшую пользу. Спешить скифских лучников – значит существенно снизить их боевую ценность. В то же время на аттических вазах, за исключением упомянутых выше редчайших случаев, скифы в бою изображаются пешими.

Все упомянутые предположения основываются исключительно на рассмотренных выше изображениях на вазах (лучник, сопровождающий гоплита) и прямолинейном толковании этих изображений как непосредственного, «фотографического» отражения действительности (ср. выше). Следуя этой логике можно было бы предполагать присутствие в Афинах второй половины VI в. до н.э. и вспомогательного эфиопского корпуса, поскольку в нашем распоряжении имеется целая серия ваз, на которых изображен гоплит в сопровождении легковооруженных негроидных персонажей. Однако, как заметил Ф. Лиссарраг¹³⁷, до сих пор, кажется, никто не осмеливался сделать такое предположение.

¹³⁴ Vos. P. 65–69, вслед за ней *Raeck*. Op. cit. S. 34–35.

¹³⁵ Ср. *Plassart*. Op. cit. P. 153–155, 186–195; *Jacob O.* Les Esclaves publics à Athènes. P., 1928. P. 53, 66.

¹³⁶ Пытаясь объяснить это странное обстоятельство, М. Вос (Vos. P. 86–88) предполагает, что персы блокировали в это время проливы, лишив Афины доступа в Черное море, и те не могли более нанимать скифских наемников. Однако это предположение ни на чем не основано: никакой блокады проливов персами, видимо, не было. Археологические данные во всяком случае не позволяют говорить о разрыве торговых связей между Афинами и Причерноморьем на рубеже VI–V вв. до н.э.: импорт аттической керамики в это время был массовым. Ср. *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 35–48; *Alexandrescu P.* L'importation de la céramique attique dans les colonies du Pont-Euxin avant les guerres médiques // *L'Aigle et le Dauphin. Études d'archéologie pontique*. Bucarest – Paris, 1999. P. 25–34 (RA. 1973. 1. P. 31–38). Более того, именно к 90-м годам относятся отправление скифами посольства в Спарту и попытка заключить союз с Клеоменом, направленный против Персии (Herod. VI. 84). Как ни оценивать этот эпизод, он свидетельствует о том, что контакты между Скифией и материковой Грецией в это время не прерывались. Тот факт, что торговля между Афинами и подвластными персам территориями успешно развивалась, несмотря на конфликты, не раз отмечался, ср., например: *Bovon A.* La représentation des guerriers perses et la notion de barbare dans la lère moitié du Ve siècle // BCH. 1963. 87. P. 591. Not. 4, с примерами; *DeVries K.* The Attic Pottery from Gordion // *Athenian Potters and Painters* / Ed. K.H. Oakley, W.D.E. Coulson, O. Palagia. Oxf., 1997 (Oxbow Monograph, 67). P. 447–455; *Miller M.C.* Athens and Persia in the Fifth Century B.C. A Study in Cultural Receptivity. Camb., 1997. P. 63–72.

¹³⁷ Lissarrague. P. 24.

Таким образом, говоря об изображениях лучников в аттической вазописи следует исходить из того, что в эпоху их создания никаких контингентов скифов или других варваров в Афинах не было, что полностью согласуется со свидетельствами письменных источников, о которых уже говорилось. Впрочем, удивительным было бы обратное: образ «скифоидных» лучников в вазописи не подразумевает четких этнических ассоциаций или каких-либо отрицательных коннотаций, что было бы трудно объяснить, предполагая, что они изображают членов реально присутствующего в городе вспомогательного воинского корпуса или корпуса полицейских, купленных или служащих за плату.

При таких условиях мне кажется наиболее вероятным предположение о том, что в основе образа «скифоидного» лучника лежат впечатления от контактов не с реальными скифами, а с мидийской, а позже ахеменидской армией¹³⁸. По-видимому, греки впервые столкнулись с мидийской армией в ходе лидо-мидийской войны 80-х годов VI в. до н.э. Как известно, часть греческих городов находилась в зависимости от лидийских царей, другие были их союзниками, так что вряд ли будет натяжкой предположение о том, что в ходе этой войны греки столкнулись с мидийцами на поле боя. В состав мидийской армии, как позже и в состав персидской, входили различные национальные контингенты, часть из которых поставляла именно лучников, в том числе конных (например, саки, марды и др.). Сами мидийцы также были хорошими лучниками. Вероятно, именно в это время одежда, характерная для нескольких иранских народов, в том числе скифов, саков¹³⁹, да и самих мидийцев (башлыки или остроконечные колпаки, штаны, мягкие сапоги, кафтаны) стала ассоциироваться у греков с мастерским владением луком и стрелами. Наиболее раннее отражение этих ассоциаций в вазописи относится к немногим более позднему времени и датируется около 570 г. до н.э. (ваза Франсуа). При этом на ранних изображениях (примерно до 540 г. до н.э.) на вазах отражается лишь самый яркий элемент «скифского» костюма – остроконечные колпаки. Лучники на вазе Франсуа одеты в такие же хитоны, как и другие участники охоты, причем у Киммерия и Токсамиса они отличаются лишь тем, что больше украшены, у Евгимаха же хитон обычный. То же касается и изображений лучников на других вазах. Кроме того, колчаны, хотя и находятся на поясах, но чаще всего укреплены на перекинутом через плечо ремне.

Позже иранский костюм начинает отражаться в вазописи полнее и точнее, а ассоциации с ним стрелкового искусства укреплялись, что, вероятно, связано с более близким знакомством с иранскими лучниками, особенно после походов Кира и покорения персами городов Ионии. После этих событий и вместе с ростом значения иранцев для греческого мира сам образ варварского лучника в иранском костюме становился все более важным. Вряд ли соответствующий тип костюма ассоциировался с одним конкретным этносом. Скорее он воспринимался как вообще восточный,

¹³⁸ Предположения о влиянии на этот образ киммерийцев или скифов, вторгавшихся в Малую Азию и Ионию в VII в. до н.э. (*Plassart*. Op. cit. P. 176–177; *Welwei*. Op. cit. S. 14–15), не может быть принято: слишком велик хронологический разрыв между прекращением этих походов и появлением первых изображений «скифских» лучников. Попытки сделать какие-либо заключения о костюме киммерийцев на основании изображений на клазоменских саркофагах (первая треть V в. до н.э.) или «этрусской» вазе из музея Ватикана (третья четверть VI в. до н.э.) (*Welwei*. Op. cit. S. 14–15; *Дударев С.Л., Махортых С.В.* К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев // *Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе*, 1981. С. 37–48; *Ильинская В.А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // *Древности степной Скифии*. Киев, 1982. С. 45 и др.) совершенно необоснованы: уже по хронологическим соображениям речь здесь не может идти о киммерийцах. Ср. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени (Степные народы Евразии. II). М., 2001. С. 105–113.

¹³⁹ Следует специально заметить, что выводы, сделанные на основании изображений среднеазиатских саков на персепольских рельефах, нет никаких оснований автоматически переносить на причерноморских скифов, как это обычно делается (см., например: *Schoppa*. Op. cit. S. 26; *Vos*. P. 46). Несмотря на наличие общих черт, материальная культура двух этнических групп существенно различалась. Ср. *Welwei*. Op. cit. S. 12–13.

точнее костюм «новых азиатов»: не давно знакомых соседей вроде лидийцев, фригийцев¹⁴⁰, карийцев или египтян, а вновь появившихся мидийцев, персов и прочих восточных народов, контингенты которых входили в состав их армий. При этом ассоциации костюма с типом вооружения были гораздо существеннее, чем ассоциации с определенным этносом или группой этносов, что и отразилось в его использовании аттическими вазописцами: этническая принадлежность персонажей, очевидно, вообще была несущественна для вазописцев этой эпохи. В аттической вазописи одетый в такой костюм лучник примерно с 530-х годов до н.э. стал использоваться для передачи образа воина-негоплита. Как воин в гопплитском снаряжении не просто изображал тяжеловооруженного пехотинца, а передавал образ героизированного гражданина, приравненного к эпическим героям, так и этот воин-негоплит изображал не реального лучника, служившего в афинском войске, а прежде всего спутника главного героя, заменяющего эпического $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\omega\upsilon$. Его костюм и снаряжение вовсе не должны передавать этнос или даже род войска, они являются прежде всего конкретной формой воплощения важной для художников идеи его «негоплитности», или того, что речь идет, по выражению Ф. Лиссаррага, об «*autre gueltieg*». Именно это объясняет столь частое изображение «скифов» в аттической вазописи, при том, что в Ионии, где происходили непосредственные контакты с мидийцами и персами, такие изображения встречаются достаточно редко. При этом роль соответствующих персонажей на ионийских изображениях совершенно иная – они представлены не как спутники греческих воинов, а как их противники¹⁴¹. Это и естественно в районе, где иранские воины были живой реальностью. Напротив, сложение того образа «скифского» лучника, который мы находим в Аттике 530–490 гг. до н.э., возможно только там, где непосредственные контакты с иранскими воинами отсутствовали, а сами они были чем-то далеким и не вполне конкретным.

Судя по всему, этнические ассоциации в костюме лучников на вазах начинают быть существенными, а затем и преобладающими, лишь с 90-х годов V в. до н.э. Как уже говорилось, этот костюм, по-видимому, вызывал ассоциации с костюмом лучников, служивших в персидской армии. До тех пор, пока действия Ахеменидов ограничивались Малой Азией, в Афинах они воспринимались как значительная и вызывающая уважение сила, но более или менее нейтральная по отношению к самим Афинам. Враждебность к персам появилась и стала нарастать тогда, когда они стали задевать непосредственные интересы Афин, а затем и вовсе угрожать их независимости. В такой ситуации «скифоидный» костюм, вызывающий персидские ассоциации, очевидно, стало все труднее воспринимать как этнически и семантически нейтральный и помещать облаченных в него лучников рядом с гопплитами на изображениях героических сцен или эпизодов эпоса. Очевидно, именно это объясняет быстрый выход из употребления изображений «скифообразных» лучников, закончившийся их

¹⁴⁰ Характерно, что на тех изображениях, где фригийцы и лидийцы идентифицируются надежно (например, в легенде о Мидасе и силене, ср. ниже, или на изображении смерти Креза на вазе Мисона из Лувра, G 197) вплоть до начала классической эпохи они неотличимы от греков: вазописцы не предпринимают каких-либо попыток передать их этнос с помощью особенностей одежды. Ср. *DeVries K. The Nearly Other: The Attic Vision of Phrygians and Lydians // Not The Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art / Ed. B. Cohen. Leiden – Boston – Köln, 2000. P. 338–363.* Попытка истолковать участников попойки на ойнохое ок. 520 г. до н.э. из Афинского музея (1045) как лидийцев на основании того, что у них на голове надеты тюрбаны (митры) (*Ibid. P. 358–363. Fig. 13.10*), не убеждает. Эта сцена близка к довольно многочисленной серии изображений бородатых мужчин зрелого возраста в женской одежде, в том числе в тюрбанах, см. *Delavaud-Roux M.-H. L'énigme des danseurs barbés au parasol et les vases «des Lénéennes» // RA. 1995. P. 227–263*, с литературой. Они относятся к дионисийской сфере и не подразумевают азиатов или других чужеземцев.

¹⁴¹ Ср., например, изображения сражений на клазоменских саркофагах, где противниками греков часто выступают лучники (пешие или конные), обычно вооруженные также длинными мечами: *Cook. Op. cit. P. 116–117, 119–120.* Следует, правда, заметить, что все саркофаги этой группы датируются позже: они относятся к первой трети V в. до н.э. (сюжет, видимо, стал актуальным после ионийского восстания): *Ibid. P. 148 (Albertinum group).*

полным исчезновением в эпоху греко-персидских войн. В результате непосредственного столкновения с персидской армией одетые «по-скифски» лучники из экзотических персонажей превратились во вполне конкретную и далеко не самую приятную реальность. В новых условиях восприятие этого образа изменилось и приблизилось к тому, что существовал у ионийцев значительно раньше.

На смену изображениям лучников, сопровождающих гоплитов, приходят изображения персов, костюм которых в ряде существенных элементов сходен со «скифским», хотя и не идентичен ему¹⁴². Эти различия вовсе не обязательно объяснять разницей этноса изображаемых персонажей, как это делается обычно. Вполне возможно, что речь идет просто о большей точности в передаче иранского костюма. В этом случае эволюцию его изображения в аттической вазописи можно представить следующим образом. До 30-х годов VI в. до н.э. аттические вазописцы изображают только наиболее поразившую их деталь костюма – остроконечные колпаки или башлыки, в то время как в остальном лучники одеты в обычные хитоны. Примерно между 530 и 490 гг. до н.э. изображается весь иранский костюм, хотя его передача и остается весьма условной, например, штаны и кафтан часто сливаются в своеобразное облегчающее трико (реальное существование подобной одежды трудно предполагать), обувь практически никогда не изображается. Популярность изображений лучников в такой одежде связана вовсе не с близким знакомством с их реальными прототипами, а с той семантической ролью, которую играет соответствующий персонаж в вазописи, будучи участником наиболее часто изображаемых сцен. Впоследствии, после близкого столкновения афинян с персами, количество изображений персонажей в иранском костюме резко сокращается, однако сам этот образ передается значительно реалистичнее и конкретнее и в нем появляются новые детали (обувь, панцирь, большее разнообразие видов оружия, изображения конных стрелков и пр.).

Разумеется, роль этих персонажей в изображениях на вазах совершенно иная, определяемая в первую очередь противостоянием Афин и Персии в ходе греко-персидских войн: это отнюдь не спутники гоплитов, а их противники. В отличие от предыдущего периода, этническая нагрузка костюма в этом образе выходит на первый план. Существование образов, столь близких внешне, но играющих совершенно различную семантическую роль, как «скифские» лучники и персы, вряд ли было возможно, и второй быстро вытесняет первый. Дополнительным фактором, повлиявшим на исчезновение таких изображений, видимо, стало появление в Афинах реальных скифских полицейских, что должно было укрепить этнические ассоциации с этим костюмом. Таким образом, если «скифский» костюм раннего периода не имел четких этнических ассоциаций и маркировал образ второстепенного персонажа, сопровождающего основного героя-гоплита, вовсе не указывая на его этнос, то близкий к нему персидский костюм, напротив, играл роль именно этнического маркера, обозначая в частности варваров – противников греческих героев-гоплитов. Изменение функции этого образа приводит и к тому, что он становится гораздо более

¹⁴² Об этих изображениях см. особенно: *Schoppa*. Op. cit. S. 46–55; *Bovon*. Op. cit. P. 579–602; *Schauenburg*. *EΥΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ*. S. 97–121; *Hölscher*. Op. cit. S. 38–49; *Raeck*. Op. cit. S. 101–163, здесь же о близости костюма персов на изображениях первой половины V в. до н.э. и «скифских» лучников предыдущей эпохи. Об изображении в аттической вазописи различных элементов персидского костюма в V в. до н.э. см. *Miller*. *Athens and Persia...* P. 153–187. Различия в «скифском» и персидском костюме, которые отмечает М. Вос (*Vos*. P. 44–45), сильно преувеличены. Здесь же она категорически утверждает, что «no true Scythian ever wears» панцирь, в отличие от персов. В действительности панцирь составлял один из характерных элементов скифского защитного вооружения, и в настоящее время известно около 300 скифских захоронений, в которых они обнаружены. О скифских панцирях см. подробно: *Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев, 1968. Ср. недавнюю находку неразграбленного погребения скифского тяжеловооруженного воина середины – второй половины V в. до н.э., содержавшего среди других предметов полный панцирь: *Григорьев В.П.* Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // *Древности скифов*. Киев, 1994. С. 63–79. Этот пример показывает, насколько опасно воспринимать изображения на аттических вазах в качестве прямого отражения реальности и использовать их для реконструкции доспеха и костюма реальных народов.

Рис. 15. Граффито на остраконе с афинского Керамика. По Brenne S. «Portraits». Abb. 7, 8

редким: если «скифский» лучник архаической эпохи мог появиться в любой сцене, подразумевающей участие гоплита, то теперь перс изображается только там, где художник хотел показать противостояние греков и варваров, т.е. в гораздо более специфическом и редком контексте.

В нашем распоряжении имеется интересный документ, свидетельствующий об изменении восприятия образа «скифского» лучника в Афинах 480-х годов. На одном из остраконов, вероятно, использовавшихся при остракизме 485 г. до н.э., процарапано изображение лучника в «скифском» костюме, сопровождающее надпись ΚΑΛΛΙΑΣ ΚΡΑΤΙΟΥ ΜΕΔΟΣ. «Каллий, сын Кратия, мидиец (т.е. перс)»¹⁴³ (рис. 15). Десять других остраконов с именем Каллия содержат то же обвинение в связях с Персией. Таким образом, автор данного остракона дополнил свое обвинение в мидизме изображением лучника, этническая атрибуция которого прямо указана – речь идет о персе. Итак, персонаж, сходство которого со «скифскими» лучниками архаических ваз очевидно, вызывал в Афинах середины 480-х годов ассоциации с персами (а вовсе не со скифами). Враждебное

отношение к этому образу не менее очевидно.

Другое свидетельство, относящееся к 460-м годам – многократно комментировавшаяся «ойнохоя Евримедонта», на которой изображен обнаженный юноша, приближающийся к наклонившемуся вперед персонажу в персидской одежде с явным намерением его содомизировать. Перс не пытается сопротивляться, покорно подставляя обидчику свой зад, и воздевает руки в жесте отчаяния. Между двумя фигурами имеется надпись Εὐριμέδων ἐπί. Κύβδαε ἔσθηκα, «Я Евримедонт. Я встал нагнувшись вперед»¹⁴⁴ (рис. 16). Последнее выражение имеет явную обценную коннотацию, употребляясь практически исключительно (в литературе в форме κύβδα) в описании соответствующей позиции при коитусе (Archil. Fr. 42, 2 West; Arist. Eq. 365; Pax. 897; Th. 489, ср. Κύβδαος, «one of invented names for gods of coition»: Plat. Com. PCG. VII (1989). 174, 17). Общий смысл изображенного ясен, несмотря на возможность различных в деталях интерпретаций. Вряд ли можно сомневаться, что эта сцена содержит намек на победу афинян над персами в битве при р. Евримедонт на южном побережье Анатолии, как отметил уже первый публикатор вазы, и message сцены удачно передает фраза К. Довера с дополнением К. Арафата: «We've bugged the

¹⁴³ Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAIA. 1992. 107. S. 173–177. Abb. 7, 8. Taf. 39, 3–4, с литературой. Ср. Lissarrague F. L'immagine dello straniero ad Atene // I Greci. Storia, Cultura, Arte, Società. II. Una storia greca. 2. Definizione / Ed. S. Settis. Torino, 1997. P. 952–953.

¹⁴⁴ Schauenburg. ΕΥΡΙΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ. S. 97–121; Dover K.J. Greek Homosexuality. L., 1978. P. 105; Arafat K.W. State of the Art – Art of the State. Sexual Violence and Politics in Late Archaic and Early Classical Vase-Painting // Rape in Antiquity / Ed. S. Deacy, K.F. Pierce. L., 1997. P. 101–104; Kilmer M. 'Rape' in Early Red-Figured Pottery. Violence and Threat in Homo-Erotic and Hetero-Erotic Context // Ibid. P. 135–138; Cartledge P. The Machismo of the Athenian Empire – or the Reign of the Phaulus? // When Men Were Men. Masculinity, Power and Identity in Classical Antiquity / Ed. L. Foxhall, J. Salmon. L. – N.Y., 1998. P. 56–57. Fig. 2, 1.

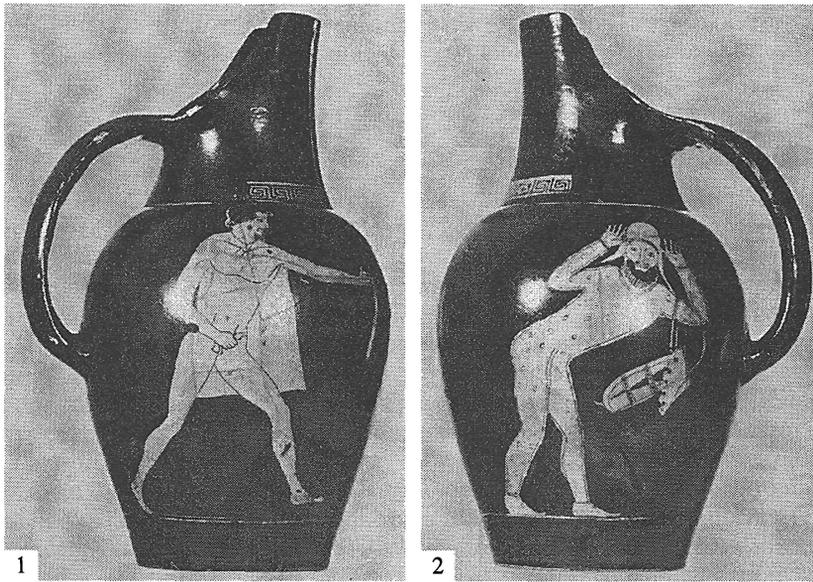

Рис. 16. Краснофигурная ойнохоя из Гамбурга. По *Schaenburg. ΕΥΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ*. Taf. 25, 1–2

*Persians at the Eurymedon*¹⁴⁵. Что касается самой надписи, то она может быть объяснена двояко: обе ее части могут быть приписаны персу, или она может быть разделена между двумя персонажами¹⁴⁶. На мой взгляд, первое предположение более правдоподобно: Евримедонт, азиатская река, на которой персы потерпели поражение, в данном случае метонимически заменяет всю Персию, которую афиняне «поимели». В противном случае пришлось бы считать, что афиняне ассоциируют себя с этой рекой, что трудно объяснить¹⁴⁷. Как бы то ни было, эта ваза достаточно красно-

¹⁴⁵ *Dover*. Op. cit. P. 105; *Arafat*. Op. cit. P. 103. Чрезвычайно искусственна и неубедительна интерпретация, предложенная *Pinney G.F. For the Heroes are at Hand // JHS*. 1984. 114. P. 181–183, согласно которой здесь изображен не перс, а скиф, точнее скифский оруженосец, вступающий в добровольный гомосексуальный акт с героем, которого он сопровождает. Этот герой якобы тоже не грек, а варвар, а вся сцена является чем-то вроде пародии на отношения между героем и его спутником, как они изображались в архаической вазописи. Все эти построения лишены всяких оснований и, кажется, не нашли последователей. Ср. критику: *Arafat*. Op. cit. 102–103.

¹⁴⁶ Этой точки зрения придерживаются, например: *Pinney*. *For the Heroes...* P. 182, с невозможным восстановлением надписи; *Kilmer*. Op. cit. P. 135.

¹⁴⁷ Другие ассоциации, которые предполагали в этом имени, мне представляются совершенно необязательными и излишними. Так, надуманным кажется предположение, что вторая часть имени -μέδων должна была намекать на название персов Μῆδοι (*Lissarrague*. *L'immagine...* P. 953), учитывая разницу в долготе первого гласного. Не убеждает и предположение, что первая часть имени εὐρύ- должна прилагаться к анусу перса и дополнительно свидетельствовать о незавидной судьбе, которая его ожидает, или о том, что соответствующая сексуальная практика была для него привычной (на основании сопоставления с употребляемым в комедии оскорбительным эпитетом εὐρύπρωκτος, «wide-arsed» *Pinney*. *For the Heroes...* P. 182; *Kilmer*. Op. cit. P. 138). Поиск подобных интерпретаций имени имел бы смысл, если бы речь шла о литературном произведении, вроде комедий Аристофана, при написании которого автор был свободен в выборе или создании имен своих персонажей, или просто о «говорящем» имени на вазе (ср. выше). Однако у автора этой надписи не было такой свободы: «Евримедонт» не фиктивное имя перса, а название реальной реки, у которой произошло реальное сражение. Для него было главным указать именно на это сражение, а все остальные ассоциации с названием реки могли возникать (однако ничто не указывает на то, что они действительно возникали) лишь самопроизвольно, независимо от намерений вазописца.

речиво свидетельствует, насколько изменился образ одетого в восточный костюм лучника после греко-персидских войн по сравнению с архаической эпохой.

«СКИФЫ» ВНЕ ВОЕННОГО КОНТЕКСТА: ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА

Нам остается рассмотреть несколько групп изображений на аттических вазах, которые указывают на то, что «скифский» костюм в некоторых случаях мог все же иметь этнические ассоциации и которые, следовательно, на первый взгляд противоречат предложенной интерпретации.

Первая из них изображает пленение силена. Этот сюжет хорошо известен по письменным источникам, согласно которым фригийскому царю Мидасу удалось захватить силена, подмешав вина в источник воды, из которого он пил (см., например, Хер. Анаб. I. 2. 13; Paus. I. 4.5)¹⁴⁸. Таким образом, этот сюжет надежно привязан к Фригии и ее царю Мидасу, а все участвующие в нем персонажи – фригийцы (традиция, локализуя это событие в Македонии, начиная с Herod. VIII. 138, очевидно, вторична). Сюжет достаточно часто встречается в аттической вазописи¹⁴⁹, причем в редких случаях (как правило, вазописцы не стремятся передавать восточную одежду персонажей) действующие лица изображались в «скифских» остроконечных колпаках, хотя другие детали «скифоидного» костюма у них отсутствуют¹⁵⁰ (рис. 17). Эти примеры показывают, что данный элемент «скифского» костюма у аттических вазописцев вызывал смутные азиатские ассоциации и мог указывать, скажем, на Фригию как место действия, но отнюдь не служил однозначным указанием на северных номадов. На одном из таких изображений (керченская пелика) при этом головной убор персонажа не имеет заостренного завершения и напоминает скорее головные уборы на более поздних изображениях персов или головной убор, известный как «фригийский колпак». Это еще раз свидетельствует о том, что колпаки в данном случае не связаны с определенным этносом и указывают на обобщенный Восток. Следует кроме того отметить позднюю дату этих изображений: лондонский лекиф принадлежит мастеру Сафо и датируется ок. 500–490 гг. до н.э.¹⁵¹, фрагментированный кратер из базельского собрания – современной ему группе Асгорполис 787¹⁵², а пелика из Керчи – мастеру Евхариду того же времени. Пелика, приобретенная музеем Метрополитен, расписана мастером Пана (ок. 470 г. до н.э.). Один из персонажей на ней облачен не только в колпак, но и в полный костюм восточного типа.

Существует еще одна группа изображений, где фигурируют персонажи в «скифских» колпаках. Она также относится не к военной сфере, а к сфере симпосия. В на-

¹⁴⁸ Cp. *Roller L.E.* The Legend of Midas // *Classical Antiquity*. 1983. 2. P. 303–313; *Roscalla F.* Mida // *I Greci. Storia, Cultura, Arte, Società. II. Una storia greca. 1. Formazione / Ed. S. Settis. Torino, 1996. P. 1281–1294.*

¹⁴⁹ *Brommer F.* Bilder der Midassage // *AA*. 1941. S. 36–52; *idem.* Vasenlisten zur griechischen Heldensage. 3. Aufl. Marburg, 1973. S. 534–535; *Roller.* Op. cit. P. 304–306; *Miller M.C.* Midas as the Great King in Attic Fifth-Century Vase-Painting // *AK*. 1988. 31. P. 79–88; *Lissarrague.* P. 118–121; *Miller M.C.* Midas // *LIMC*. VIII. 1. 1997. P. 846–851; *DeVries.* The Nearly Other... P. 342–349.

¹⁵⁰ *ABV.* P. 507 (32); *Add.* P. 126 (*Brommer.* Bilder... S. 39–43. Abb. 3–5; *idem.* Vasenlisten... S. 535, A 5; *Lissarrague.* P. 121. Fig. 67; *Miller.* Midas. P. 847. № 10); *Para.* P. 348 (4bis); *Add.* P. 200 (*Brommer F.* Mythologische Darstellungen auf Vasenfragmenten der Sammlung Cahn // *Studien zur griechischen Vasenmalerei. Bern, 1970 (AK. Beiht, 7). S. 54–57. Taf. 28, 2; idem.* Vasenlisten... S. 535, B 12; *Miller.* Midas. P. 847, № 11); *ABV.* P. 396 (24); *Para.* P. 173 (*Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1911. Rußland // *AA*. 1912. S. 39. Abb. 26; *Brommer.* Bilder... S. 39–42; *idem.* Vasenlisten... S. 535, A 6; *Бнаварский.* Ук. соч. С. 262; *Miller.* Midas. P. 848. № 22); *Sale Catalogue Sotheby's, London, 11.7.1977. № 322 (Bothmer D. von.* Greek and Roman Art // *The Metropolitan Museum of Art. Notable Acquisitions. 1975–1979. N.Y., 1979. P. 15; Lissarrague.* P. 120–121. Not. 110; *Miller.* Midas. P. 848. № 28). Cp. лаконскую чашу: *Brommer.* Bilder... S. 40, 51–52. Abb. 12; *idem.* Vasenlisten... S. 535, C 1; *Miller.* Midas. P. 847. № 7. Здесь, в отличие от аттических ваз, фригийцы изображены в полном «скифском» костюме.

¹⁵¹ *Haspels C.H.E.* Attic Black-Figured Lekythoi. P., 1936 (*École Française d'Athènes. Travaux et Mémoires des membres étrangers*, 4). P. 110, 113.

¹⁵² *Brommer.* Mythologische Darstellungen... S. 53–56.

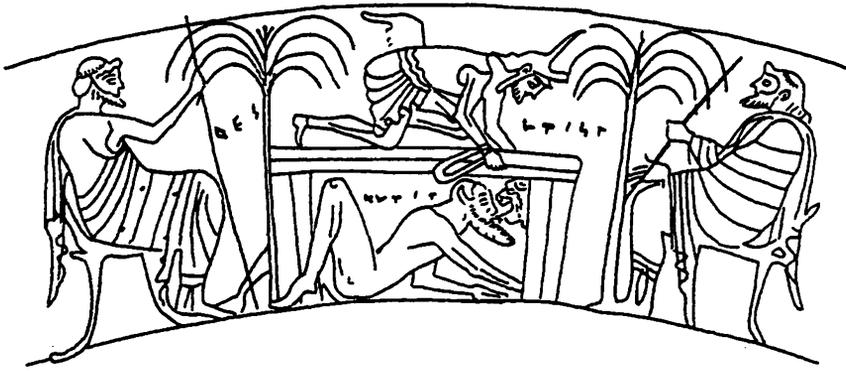

Рис. 17. Чернофигурный лекиф из Лондона (1910.2–12.1). По Lissarrague. Fig. 67

шем распоряжении имеется около полутора десятков аттических ваз с изображениями симпозиума или комоса, в которых присутствуют персонажи, облаченные в обычную греческую одежду (или обнаженные), но со «скифскими» колпаками на голове¹⁵³ (рис. 18). Предлагались различные толкования этой группы изображений. Ряд авторов считал их изображениями реальных этнических скифов, участвовавших в симпозиуме, например, варваров, работавших на Керамике, или скифских наемников¹⁵⁴. Эта интерпретация основывается исключительно на представлении о том, что «скифский» колпак однозначно определяет этнос персонажа, который его носит, что, как мы видели, по меньшей мере спорно. Кроме того, ни одна другая деталь не указывает на варварство соответствующих персонажей: их поведение и одежда ничем не отличаются от обычных симпозиастов. Ф. Лиссарраг предлагает другую, более убедительную, интерпретацию¹⁵⁵. По его мнению, эти изображения связаны с выражением $\epsilon\pi\iota\kappa\upsilon\theta\iota\zeta\epsilon\upsilon\nu$, $\sigma\kappa\upsilon\theta\iota\zeta\epsilon\upsilon\nu$, «faire le Scythe», в значении «пить неразбавленное вино». Присутствие персонажа в «скифском» колпаке указывало бы, таким образом, на употребление неразбавленного вина. Оба толкования оставляют, однако, необъясненной одну деталь. На всех изображениях колпак надет лишь на одного персонажа (поверх него часто надет венок по принятому на симпозиумах обыкновению)¹⁵⁶. Если бы колпак указывал на потребление неразбавленного вина, следовало бы скорее ожидать его изображения на всех симпозиастах, пьющих «по-скифски»¹⁵⁷. То же касается и первого объяснения: странно, что скиф всегда участвует в симпозиуме в одиночку, будучи окружен греками. Таким образом, персонаж в колпаке каким-то образом выделен по сравнению с другими участниками симпозиума, причем на одном симпозиуме может быть только один такой выделенный персонаж.

¹⁵³ Lissarrague. P. 141–149; Miller M. *Foreigners at the Greek Symposium? // Dining in a Classical Context* / Ed. W.J. Slater. Ann Arbor, 1991. P. 59–81: оба списка дополняют друг друга.

¹⁵⁴ Jacobsthal P. *Aus dem Archäologischen Institut der Universität Göttingen. I. Göttinger Vasen, nebst einer Abhandlung ΣΥΜΠΟΣΙΑΚΑ*. В., 1912 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse. N.F. 14, 1). S. 61–62; Vos. P. 89–90; Fehr B. *Orientalische und Griechische Gelage*. Bonn, 1971 (Abhandlungen zur Kunst-, Musik- und Literaturwissenschaft, 94). S. 101; Raeck. Op. cit. S. 60.

¹⁵⁵ Lissarrague. P. 148.

¹⁵⁶ На килике из Лейпцига (ARV. P. 364 (51): Vos. P. 126. № 422; Lissarrague. P. 141. Not. 57. № 4) изображены две пары юношей, причем на голову одного из юношей каждой пары надет колпак. Однако эти пары изображены на двух противоположных сторонах килика, и нет причин объединять их в одну сцену. Таким образом, и в данном случае, вопреки утверждению П. Якобшталя (Op. cit. S. 45, 61–62. Abb. 69), этот принцип не нарушается: речь идет о двух сценах, и в каждой из них лишь один персонаж облачен в колпак.

¹⁵⁷ Ср. также возражения: Miller. *Foreigners...* P. 67–68.

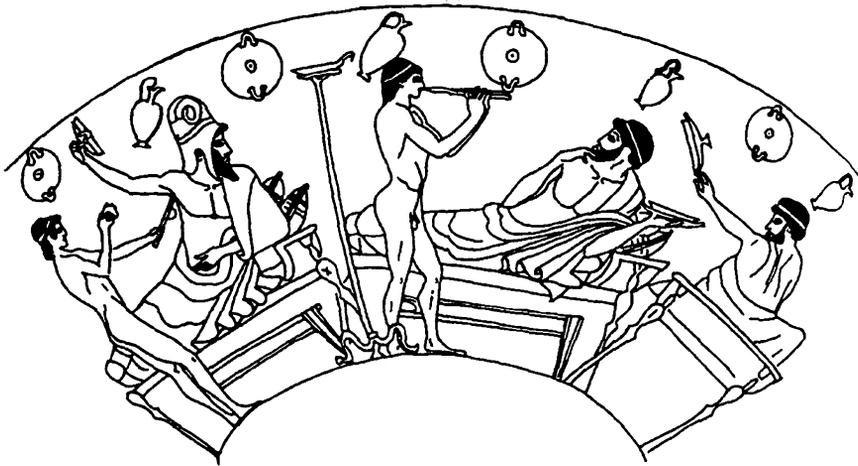

Рис. 18. Краснофигурный килик Дуриса из Флоренции (3922). По Lissarrague. Fig. 81

Поэтому кажется предпочтительным предположение о том, что персонаж в «скифском» колпаке указывает на симпосиарха, βασιλεὺς τοῦ συμποσίου¹⁵⁸. В Афинах V в. до н.э. βασιλεὺς вызывал ассоциации прежде всего с персидским царем: ассоциации между симпосиархом и восточным владыкой засвидетельствованы письменными источниками (Plut. Quaest. conv. 622A¹⁵⁹, ср. Luc. Sat. 4). Можно полагать поэтому, что «скифский» колпак в данном случае, как и в предыдущей группе изображений, вызывает восточные ассоциации и указывает на восточного царя, с которым отождествляется симпосиарх.

В более поздней работе Ф. Лиссарраг принял это объяснение и попытался объединить его с предыдущим¹⁶⁰. Однако они мало совместимы и даже противоречат друг другу. Как правильно замечает здесь же сам Ф. Лиссарраг, симпосиарх, изображенный на разбираемом им килике Дуриса из Флоренции (3922, ок. 490 г. до н.э.) (рис. 18), полностью сохраняет самоконтроль и обеспечивает порядок (симпосиасты играют в коттаб), что противоречит разнузданной манере питья по-скифски. Важно отметить кроме того, что на этом изображении, как и на других подобных, участники симпосия пьют из киликов (в других случаях также из канфаров или скифосов), что свидетельствует об употреблении ими смешанного вина. На некоторых вазах этого типа изображаются ойнохои и кратеры, непосредственно связанные с употреблением смешанного вина¹⁶¹. Следовательно, симпосиасты в данном случае не пьют «по-скифски», что исключает толкование колпака на этих изображениях как указания на потребление неразбавленного вина, а значит и ассоциации со скифами.

М. Миллер, однако, возражает против интерпретации этих изображений как указаний на симпосиарха. Она полагает, что ассоциации между симпосиархом и вос-

¹⁵⁸ R. Zahn in *Jacobsthal*. Op. cit. S. 62. Anm. 2.

¹⁵⁹ О том, что ассирийский царь появился в этом пассаже по ошибке вместо персидского, см. *Plutarque. Oeuvres morales*. T. IX, I / Texte établi et traduit par F. Fuhrmann. P., 1972. P. 162, с параллельными источниками.

¹⁶⁰ *Lissarrague F. Vases grecs. Les Athéniens et leurs images*. [S. 1.], 1999. P. 30.

¹⁶¹ Особенно хорошо виден кратер на килике из Британского музея (95.10–27.2), который считался беотийской копией одного из киликов Дуриса, но теперь причисляется к аттической продукции см. *Lillies V. Zur boiotisch rotfigurigen Vasenmalerei // MDIAA*. 1940. 65. S. 6. Taf. 3; *Miller. Foreigners...* P. 80–81; *Csapo E., Miller M.C. The «Kottabos-Toast» and an Inscribed Red-Figured Cup // Hesperia*. 1991. 60. P. 367–382. Pl. 97.

точным царем появляются позже и ничем не засвидетельствованы для классической эпохи, и указывает, что обычным атрибутом царя, в том числе восточного, в аттической вазописи был скипетр¹⁶². Взамен она предлагает альтернативную интерпретацию, согласно которой ношение колпака, как и заимствование некоторых форм персидских сосудов, свидетельствует о проперсидских симпатиях части афинской аристократии, а использование некоторых восточных предметов (включая колпаки) служит признаком принадлежности к элите¹⁶³. Это объяснение не исключено, однако против него также можно привести некоторые возражения. Во-первых, оно не объясняет того факта, что на рассматриваемых изображениях лишь один персонаж носит колпак (см. выше): симпосиасты скорее всего принадлежат к одному и тому же кругу и разделяют общие воззрения, и потому следовало бы ожидать появления колпака хотя бы на нескольких из них. Во-вторых, симпосиасты не используют никаких других «восточных» предметов, например, ритонов или подражаний персидским фиалам, появление которых в Афинах надежно засвидетельствовано данными археологии (лишь в одном случае можно подозревать использование сосуда заимствованной у персов формы). Учитывая сказанное, интерпретация персонажа в колпаке как симпосиарха представляется мне предпочтительной, хотя письменные источники и не сохранили, в самом деле, свидетельств соответствующей ассоциации, относящейся к столь раннему времени. В любом случае колпак на этих изображениях не является определенным указанием на скифский этнос, а вызывает восточные, прежде всего персидские, ассоциации.

Следует обратить особое внимание на хронологию этой группы изображений. Они датируются между примерно 500 г. до н.э. и 470 г. до н.э. (самое позднее изображение – ок. 450 г. до н.э.), т.е. относятся к тому времени, когда описанная выше иконографическая и семантическая схема, подразумевающая функциональную, а не этническую роль «скифского» костюма, исчезает. На смену ей приходят другие семантические схемы, в рамках которых костюм приобретает этническое значение. Кстати говоря, в ряде случаев изображенные здесь «колпаки» существенно отличаются по своей форме от головных уборов архаических лучников и имеют более сложную форму¹⁶⁴. Возможно, усложнением формы колпака художник пытался передать, что речь идет не просто об иранце или персе, а именно о царе, причем он вовсе не обязательно должен был быть осведомлен о форме реальной тиары персидского царя.

Пожалуй, единственная группа изображений, в которой можно было бы видеть указание на манеру питья «по-скифски» – сильно схематизированные изображения обнаженной фигуры в «скифском» колпаке, под которой находится ритон. Указанный мотив с минимальными вариациями представлен в виде круглого медальона на дне киликов, расписанных одним и тем же художником («мастером Пифоса»)¹⁶⁵ (рис. 19). Изображенный на этих киликах ритон имеет особое значение для толкования этого мотива. Рог, в отличие от других сосудов, например киликов или канфаров, был связан с потреблением неразбавленного вина: именно в таком качестве он является атрибутом Диониса и именно поэтому он связан в литературе с кентаврами¹⁶⁶. Таким

¹⁶² Miller. Foreigners... P. 67.

¹⁶³ Ibid. P. 69–71.

¹⁶⁴ Cp. Miller. Foreigners... P. 62.

¹⁶⁵ ARV. P. 139–141, 1628; Para. P. 334; Add. P. 178; Lissarrague. P. 144. Not. 69; Miller. Foreigners... P. 78.

Fig. 1.

¹⁶⁶ Lissarrague. P. 146. О позднем появлении ритона в Греции и его возможном заимствовании из варварского мира см. Hoffmann H. The Persian Origin of Attic Rhyta // АК. 1961. 4. S. 21–26; Fehr. Op. cit. S. 30–31, ср. Hoffmann H. Attic Red-Figured Rhyta. Mainz, 1962. P. 47; Tuchelt K. Tiergefäße in Kopf- und Protomengestalt. В., 1962 (Istanbul Forschungen, 22). S. 114–119. Следует, однако, заметить, что выводы Х. Хоффманна излишне схематичны и категоричны и основаны на неполном учете материала. В частности он игнорирует присутствие ритонов (хотя и редкое) в коринфской вазописи уже в конце VII в. до н.э. и на ранних аттических чернофигурных вазах: Fehr. Op. cit. P. 28–35, 54–55. Об аттических ритонах в форме головы животного и их заимствовании из Персии см. Miller. Athens and Persia... P. 141–144. Cp. также Miller. Foreigners... P. 66.

Рис. 19. Медальон на дне краснофигурного килика мастера Пифоса из музея Родоса (14 115). По Boardman. Athenian Red Figure Vases. Fig. 128

образом, в данном в случае его изображение служит достаточным указанием на питье «по-скифски». При этом в чернофигурной аттической вазописи ритон встречается почти исключительно в изображениях Диониса и его фиаса или силенов¹⁶⁷. В ранней краснофигурной вазописи его изображения вне дионисийского контекста иногда встречаются, но также крайне редко. Начиная с раннеклассического времени, однако, ритоны достаточно часто встречаются на изображениях персов, и сам этот сосуд становится одним из атрибутов, указывающих на персидское происхождение изображенных (хотя традиционные ассоциации с Дионисом сохраняются)¹⁶⁸. Вероятно, килики мастера Пифоса должны рассматриваться именно в этой связи: они предвосхищают ставшую позже стандартной связь ритона с персами. Колпак, надетый на изображенного на них персонажа, вероятно, указывает, наряду с ритоном, на его восточное происхождение, однако нет оснований считать, что художник имеет в виду именно скифов и именно выражение «пить по-скифски»¹⁶⁹. Основным элементом изображения является ритон, указывающий на манеру пить неразбавленное вино, ассоциировавшуюся у греков не только со скифами, но и с другими варварскими народами, включая персов (о склонности персов к пьянству: Herod. I. 133; Plat. Leg. I. 637 d–e, где скифы и персы стоят во главе списка склонных к пьянству народов). Таким образом, как и в предыдущих группах изображений, колпак вызывает ассоциации с Востоком вообще, а не конкретно со скифами.

Существует единственное, насколько мне известно, изображение того же времени, на котором воспроизводится та же изобразительная схема, но персонаж изображен не обнаженным, а в полной варварской одежде. Речь идет о краснофигурном килике из

¹⁶⁷ Ср. Gericke H. Gefäßdarstellungen auf griechischen Vasen. B., 1970. S. 19–21, 177–186. № 4 ее каталога изображает не воина, а Диониса, № 11 – не «мужчину и эфеба», а Диониса и Ариадну, № 106 – Диониса, № 122 – Геракла и Диониса.

¹⁶⁸ Ср. Hoffmann. The Persian Origin... S. 21–26. Pl. 10, 2, 4; Schauenburg. ΕΡΥΜΕΔΩΝ ΕΙΜΙ. S. 114–116. Taf. 38, 2; 39, 3–4; 40, 1; DeVries K. Attic Pottery in the Achaemenid Empire // AJA. 1977. 81. P. 546. Fig. 2.

¹⁶⁹ Ср. Raeck. Op. cit. S. 61, который отмечает, что колпаки здесь имеют форму, не характерную для изображений ранних лучников, и допускает, что в данном случае изображены обобщенные варвары.

одного швейцарского частного собрания, на котором изображен анфас спящий персонаж в «скифской» одежде¹⁷⁰. Над ним изображен колчан и лук, под ним – рог. Следует, однако, заметить, что этот персонаж по деталям своей одежды ближе к изображениям в аттической вазопиcи персов, чем «скифских» лучников¹⁷¹. В любом случае указанием на варварскую манеру питья в данном случае служит прежде всего рог, а не одежда.

Наконец, следует упомянуть еще один скифос мастера Гермогена, на двух сторонах которого изображены две пары (гетеро- и гомосексуальная), совокупляющиеся в достаточно замысловатых позициях¹⁷². Обе пары фланкированы двумя обнаженными мужчинами в остроконечных колпаках, причем в первом случае они держат в руках ритоны и танцуют. Этот скифос является уникальным сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, он очень ранний: роспись датируется около 555–535 г. до н.э. Таким образом, он отделен по меньшей мере третью, а то и половиной столетия от основной группы изображений симпосиастов в «скифских» колпаках. Во-вторых, в отличие от последних, здесь в одинаковых колпаках изображены не один, а несколько персонажей, что исключает принятое нами выше толкование колпака как указания на симпосиарха. Наконец, персонажи в колпаках держат в руках ритоны, которые, как уже указывалось, в чернофигурной вазопиcи связаны почти исключительно с Дионисом и его фиасом, а в более позднее время начинают связываться с персами. Таким образом, в данном случае в одной сцене объединяются остроконечный колпак, ритон и сексуальная оргия, что отчасти предвосхищает поздние изображения. Возможно, здесь следует видеть указание на восточное происхождение изображаемых персонажей (сочетание ритона и колпака) или их принадлежность к дионисийскому фиасу. Однако, как уже указывалось, ни остроконечный колпак, ни потребление неразбавленного вина из ритона не могут служить однозначным указанием на скифов. В любом случае толкование этого изображения затруднено его единичностью и изолированностью и строить какие-либо выводы общего характера на его основании представляется невозможным.

Таким образом, рассмотренные группы изображений не противоречат предложенной интерпретации, а подтверждают ее. В самом деле, изображения элементов «скифского» костюма, прежде всего колпаков, в контексте, подразумевающем этнические ассоциации, датируются в основном временем после 500 г. до н.э., когда рассмотренная выше иконографическая схема начинает выходить из употребления. При этом появляющиеся в данном случае этнические ассоциации указывают вовсе не на скифов, а на персов или подвластные им народы (например, фригийцев). Таким образом, и в этом случае нет оснований говорить о связи соответствующих элементов костюма с этническими скифами.

Учитывая изложенное, трудно ожидать этнографической точности в передаче деталей костюма лучников архаической эпохи: он передавал лишь его общий облик, наиболее характерные черты и часто был весьма условным. Кроме того, мы не в состоянии определить, впечатления от контактов с каким конкретным этносом легли в основу формирования соответствующего образа в вазопиcи. По-видимому, этим народом был один, или несколько, этносов, входивших в состав персидских войск, а отнюдь не скифы причерноморских степей. В любом случае представляется методически неверным использовать аттическую вазопиcь как материал для восстановления костюма скифов, саков, мидийцев или любого другого реального

¹⁷⁰ Schauenburg. ΕΥΡΥΜΕΔΩΝ EIMI. S. 112–113. Taf. 35, 1.

¹⁷¹ Ср. определения этого персонажа как перса: Schauenburg. ΕΥΡΥΜΕΔΩΝ EIMI. S. 112–113; Frontisi-Ducroux F. *Au miroir du masque // La cité des images. Religion et société en Grèce antique.* Paris – Lausanne, 1984. P. 157. Как скифа его определяет: Raeck. *Op. cit.* S. 61.

¹⁷² Lissarrague. P. 148–149; Dierichs A. *Erotik in der Kunst Griechenlands.* Mainz, 1993 (Antike Welt. 24. Sondernummer). S. 52, 54. Abb. 91, a–b; Sutton R.F., Jr. *The Good, the Base, und the Ugly: The Drunken Orgy in Attic Vase Painting and the Athenian Self // Not the Classical Ideal. Athens and the Construction of the Other in Greek Art / Ed. B. Cohen.* Leiden – Boston – Köln, 2000. P. 188–190. Fig. 7, 3; 7, 4.

народа¹⁷³. Прогресс в этой области, на мой взгляд, может быть достигнут лишь в результате независимой от ваз реконструкции этих костюмов на основе надежно привязанных к определенному этносу свидетельств (для скифов это должны быть, скажем, данные археологии и скифские каменные изваяния, а также изображения на произведениях причерноморской торевтики IV в. до н.э., но не персидских рельефов, которые могут использоваться лишь для реконструкции костюма среднеазиатских саков, и т.д.). Сопоставление этих независимых реконструкций с изображениями на аттических вазах, возможно, прольет дополнительный свет на вопрос о том, костюм какого конкретного народа послужил основой для формирования образа лучника в аттической вазописи архаической эпохи.

WHO WERE THE «SCYTHIAN» ARCHERS ON ARCHAIC ATTIC VASES?

A.I. Ivantchik

The paper analyses the figures of archers in «Scythian» clothes (a high sharp cap or a rounded hood, a caftan and trousers) on Attic archaic vases. The author concludes that these figures were neither conceived as real ethnical Scythians, nor associated by vase painters or their customers with this or any other people. The clothes were rather an iconographic conventionality symbolising a second rank character accompanying a hero. The latter was depicted as a hoplites. The «Scythian» clothes corresponded to the character's function, not to his ethnical identity. This scheme in vase painting existed between 530–490 BC, and then went out of use, because after the Greco-Persian wars these clothes began to be associated with ethnical identity, though not Scythian, but Persian.

The real prototype of the «Scythian» archers were the archers of different ethnical groups first of Median, and later of Persian army. The «Scythian» attire of the archers on the vases, therefore, has nothing to do with the real Scythians of the North Pontic area.

¹⁷³ Сомнения в возможности использования аттической вазописи для реконструкции скифского костюма см. уже: *Minns E.H.* Scythians and Greeks. Oxf., 1913. P. 53–56. Здесь же гораздо более осторожный, чем в современной ему литературе, подход к интерпретации соответствующих изображений как этнических скифов.